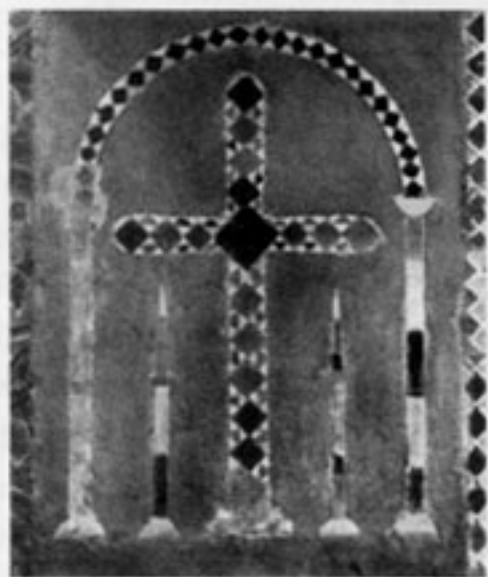

Христос Вседержитель. Мозаика Софийского собора в Киеве. 1043–1046

КРЕЩЕНИЕ РУСИ И ГОСУДАРСТВО РУСЬ

Нет в современной исторической науке, посвященной Древней Руси, более значительного и вместе с тем наименее исследованного вопроса, чем вопрос о распространении христианства в первые века крещения.

В начале XX века появилось сразу несколько чрезвычайно важных работ, по-разному ставивших и разрешавших вопрос о принятии христианства. Это работы Е. Е. Голубинского, академика А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко, В. И. Ламанского, Н. К. Никольского, П. А. Лаврова, Н. Д. Полонской и многих других. Однако после 1918 года тема эта перестала казаться значительной. Она попросту исчезла со страниц нашей научной печати, оставаясь одной из важнейших в мировой славистике (работы Л. Мюллера, А. Поппэ и др.).

В задачу моих размышлений входит поэтому не завершать, а начинать постановку некоторых проблем, связанных с принятием христианства, не соглашаться, а может быть, противоречить обычным взглядам, тем более

что утвердившиеся точки зрения часто не имеют под собой солидной основы, а являются следствием неких, никем полностью не высказанных и в значительной мере мифических “установок”.

Одно из таких заблуждений, застрявших в общих курсах истории России и других полуофициальных изданиях, – это представление, что православие было всегда одним и тем же, не менялось, всегда играло реакционную роль. Появились даже утверждения, что язычество было лучше (“народная религия!”), веселее и “материалистичнее”...

Но дело в том, что и защитники христианства часто поддавались определенным предрассудкам и суждения их были в значительной мере “предрассуждениями”.

Остановимся в нашей статье лишь на одной проблеме – государственного значения принятия христианства. Не смею выдавать свои взгляды за точно установленные, тем более что неясны вообще самые основные, исходные данные для появления сколько-нибудь достоверной концепции.

Прежде всего следует понять – что представляло собой язычество как “государственная религия”. Язычество не было религией в современном понимании – как христианство, ислам, буддизм. Это была довольно хаотическая совокупность различных верований, культов, но не учение. Это соединение религиозных обрядов и целого вороха объектов религиозного почитания. Поэтому объединение людей разных племен, в чем так нуждались восточные славяне в X–XII веках, не могло быть осуществлено язычеством. Да и в самом язычестве было сравнительно мало специфических национальных черт, свойственных только одному народу. В лучшем случае по признаку общего культа объединялись отдельные племена, население отдельных местностей. Между тем стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редконаселенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляли людей искать объединения. Кругом были “немцы”, то есть люди, не говорящие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь “из невести”, а граничившая с Русью степная полоса – это “страна незнаемая”...

Стремление к преодолению пространства заметно в народном творчестве. Люди воздвигали свои строения на высоких берегах рек и озер, чтобы быть видными издали, устраивали шумные празднества, совершали культовые моления. Народные песни были рассчитаны на исполнение на широких пространствах. Яркие краски требовались, чтобы быть замеченными издали. Люди стремились быть гостеприимными, относились с уважением к купцам-гостям, ибо те являлись вестниками о далеком мире, рассказчиками, свидетелями существования других земель. Отсюда восторг перед быстрыми перемещениями в пространстве. Отсюда и монументальный характер искусства.

Люди насыпали курганы, чтобы не забывать об умерших, но могилы и могильные знаки еще не свидетельствовали о чувстве истории как протяженного во времени процесса. Прошлое было как бы единым, стариной вообще, не разделенной на эпохи и не упорядоченной хронологически.

Время составляло повторявшийся годичный круг, с которым необходимо было сообразоваться в своих хозяйственных работах. Времени как истории еще не существовало.

Время и события требовали познания мира и истории в широких масштабах. Достоинно особого внимания то, что эта тяга к более широкому пониманию мира, чем то, которое давалось язычеством, сказывалась прежде всего по торговым и военным дорогам Руси, там прежде всего, где вырастали первые государственные образования. Стремление к государственности не было, разумеется, принесено извне, из Греции или Скандинавии, иначе оно не имело бы на Руси такого феноменального успеха, которым ознаменовался X век истории Руси.

Истинный создатель огромной империи Руси – князь Владимир I Святославич в 980 году делает первую попытку объединения язычества на всей территории от восточных склонов Карпат до Оки и Волги, от Балтийского моря до Черного, включавшей в свой состав племена восточнославянские, финно-угорские и тюркские. Летопись сообщает: “И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного”: Перуна (финно-угорского Перкуна), Хорса (бога тюркских племен), Дажбога, Стрибога (богов славянских), Симаргла, Мокошь (богиню племени мокош).

О серьезности намерений Владимира свидетельствует то, что после создания пантеона богов в Киеве он послал своего дядю Добрыню в Новгород, и тот “постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье новгородьстии аки Богу”. Как всегда в русской истории, Владимир отдал предпочтение чужому племени – племени финно-угорскому. Этим главным кумиром в Новгороде, который поставил Добрыня, был кумир финского Перкуна, хотя, по всей видимости, наиболее распространен в Новгороде был культ славянского бога Велеса, или иначе Волоса.

Однако интересы страны звали Русь к религии более развитой и более вселенской. Этот зов ясно слышался там, где люди разных племен и народов больше всего общались между собой. Зов этот имел за собой большое прошлое, эхом отдавался он на всем протяжении русской истории.

Великий европейский торговый путь, известный по русским летописям как путь “из Варяг в Греки”, то есть из Скандинавии в Византию и обратно, был в Европе наиболее важным вплоть до XII века, когда европейская торговля между югом и севером переместилась на запад. Путь этот не только соединял Скандинавию с Византией, но и имел ответвления, наиболее зна-

чительным из которых был путь на Каспий по Волге. Основная часть всех этих дорог пролегла через земли восточных славян и использовалась ими в первую очередь, но и через земли финно-угорских народов, принимавших участие в торговле, в процессах государственного образования, в военных походах на Византию (недаром в Киеве одним из наиболее известных мест был Чудин двор, то есть подворье купцов племени чудь – предков нынешних эстонцев).

Многочисленные данные свидетельствуют, что христианство стало распространяться на Руси еще до официального крещения Руси при Владимире I Святославиче в 988 году (есть, впрочем, и другие предполагаемые даты крещения, рассмотрение которых не входит в задачу данной статьи). И все эти свидетельства говорят о появлении христианства прежде всего в центрах общения людей разных национальностей, даже если это общение бывало далеко не мирным. Это снова и снова указывает на то, что людям требовалась вселенская, мировая религия. Последняя должна была служить своеобразным приобщением Руси к мировой культуре. И не случайно этот выход на мировую арену органически соединялся с появлением на Руси высокоорганизованного литературного языка, который это приобщение закрепил в текстах, прежде всего переводных. Письменность давала возможность общения не только с современными Руси культурами, но и с культурами прошлыми. Она делала возможным написание собственной истории, философского обобщения своего национального опыта, литературы.

Уже первая легенда Начальной русской летописи о христианстве на Руси рассказывает о путешествии апостола Андрея Первозванного из Синопии и Корсуни (Херсонеса) по великому пути “из Грек в Варяги” – по Днепру, Ловати и Волхову в Балтийское море, а затем кругом Европы в Рим.

Христианство уже в этой легенде выступает как объединяющее страны начало, включающее Русь в состав Европы. Конечно, это путешествие апостола Андрея – чистая легенда, хотя бы потому уже, что в I веке восточных славян еще не существовало – они не оформились в единый народ. Однако появление христианства на северных берегах Черного моря в очень раннее время зафиксировано и нерусскими источниками. Апостол Андрей проповедовал на своем пути через Кавказ в Боспор (Керчь), Феодосию и Херсонес. О распространении христианства апостолом Андреем в Скифии говорит, в частности, Евсевий Кесарийский (умер около 340 года). Житие Климента, папы римского, рассказывает о пребывании Климента в Херсонесе, где он погиб при императоре Траяне (98–117). При том же императоре Траяне иерусалимский патриарх Ермон отправил в Херсонес одного за другим нескольких епископов, где они приняли мученические кончины. Последний из отправленных Ермоном епископ погиб в устье Днепра. При императоре Константине Великом в Херсонесе появился епископ Капитон,

*Апостол Андрей.
Фрагмент иконы
"Спаса Поясного" из Ростова.
XIV в. Государственная
Третьяковская галерея*

также мученически погибший. Христианство в Крыму, нуждавшееся в епископе, достоверно зафиксировано уже в III веке.

На Первом вселенском соборе в Никее (325 год) присутствовали представители из Боспора, Херсонеса и митрополит Готфил, находившийся вне Крыма, которому, однако, была подчинена Таврическая епископия. Присутствие этих представителей устанавливается на основании их подписей под соборными постановлениями. О христианстве части скифов говорят и отцы церкви – Тертуллиан, Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст, блаженный Иероним.

Готы-христиане, проживавшие в Крыму, составляли сильное государство, оказывавшее серьезное влияние не только на славян, но и на литовцев и финнов – во всяком случае, на их языки.

Связи с Северным Причерноморьем были затем затруднены великим переселением кочевых народов во второй половине IV века. Однако торговые пути все же продолжали существовать, и влияние христианства с юга на север, бесспорно, имело место. Христианство продолжало распространяться при императоре Юстиниане Великом, охватывало Крым, Северный Кавказ, а также восточный берег Азовского моря среди готов-трапезитов, которые, по свидетельству Прокопия, "с простодушием и великим спокойствием почитали христианскую веру" (VI век).

*Княгиня Ольга и император
Константин Багрянородный.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

С распространением тюрко-хазарской орды от Урала и Каспия до Карпат и Крымского побережья возникла особая культурная ситуация. В Хазарском государстве были распространены не только ислам и иудаизм, но и христианство, особенно в связи с тем, что римские императоры Юстиниан II и Константин V были женаты на хазарских принцессах, а греческие строители воздвигали в Хазарии крепости. К тому же христиане из Грузии, спасаясь от мусульман, бежали на север, то есть в Хазарию. В Крыму и на Северном Кавказе в пределах Хазарии, естественно, растет число христианских епископий, особенно в середине VIII века. В это время в Хазарии существует восемь епископий. Возможно, что с распространением христианства в Хазарии и установлением дружеских византийско-хазарских отношений создается благоприятная обстановка для религиозных споров между тремя господствующими в Хазарии религиями: иудаизмом, исламом и христианством. Каждая из этих религий стремилась к духовному преобладанию, о чем говорят еврейско-хазарские и арабские источники. В частности, в середине IX века, как свидетельствует «Паннонское житие» Кирилла-Константина и Мефодия – просветителей славянства, – хазары приглашали из Византии богословов для религиозных споров с иудеями и мусульманами. Тем самым подтверждается возможность описанного русским летописцем выбора веры Владимиром – путем опросов и споров.

*Князь Владимир. Фрагмент иконы
"Святые князья Владимир, Борис и Глеб".
Нач. XVI в. Государственная Третьяковская галерея*

Представляется естественным, что христианство на Руси явилось также и в результате осознания той ситуации, которая сложилась в X веке, когда присутствие в качестве главных соседей Руси именно государств с христианским населением было особенно явным: тут и Северное Причерноморье, и Византия, и движение христиан по основным торговым путям, пересекавшим Русь с юга на север и с запада на восток.

Особенная роль принадлежала здесь Византии и Болгарии.

Начнем с Византии. Русь трижды осаждала Константинополь – в 866, 907 и 941 годах. Это не были обычные разбойничьи набеги, заканчивались они заключением мирных договоров, устанавливавших новые торговые и государственные отношения между Русью и Византией.

И если в договоре 912 года с русской стороны участвовали только язычники, то в договоре 945 года на первом месте стоят уже христиане. За короткий промежуток времени число христиан явно возросло. Об этом же свидетельствует и принятие христианства самой киевской княгиней Ольгой, о пышном приеме которой в Константинополе в 955 году рассказывают как русские, так и византийские источники.

Не станем входить в рассмотрение сложнейшего вопроса о том, где и когда крестился внук Ольги Владимир. Сам летописец XI века ссылается на существование различных версий. Скажу только, что очевидным представляется один факт: Владимир крестился после своего сватовства к сестре византийского императора Анне, ибо вряд ли могущественнейший император ромеев Василий II согласился бы породниться с варваром, и этого не мог не понимать Владимир.

Дело в том, что предшественник Василия II император Константин Багрянородный в своем широко известном труде "Об управлении империей",

*Семья Ярослава Мудрого.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

написанном для своего сына – будущего императора Романа II (отца императора Василия II), – запретил своим потомкам вступать в брак с представителями варварских народов, ссылаясь на равноапостольного императора Константина I Великого, приказавшего начертать в алтаре св. Софии Константинопольской запрет ромеям родниться с чужими – особенно с некрещеными.

Следует еще принять во внимание, что со второй половины X века могущество Византийской империи достигло своей наибольшей силы. Империя к этому времени отразила арабскую опасность и преодолела культурный кризис, связанный с существованием иконоборчества, приведшего к значительному упадку изобразительного искусства. И примечательно, что в этом расцвете византийского могущества значительную роль сыграл Владимир I Святославич.

Летом 988 года отборный шеститысячный отряд варяжско-русской дружины, посланный Владимиром I Святославичем, спас византийского императора Василия II, наголову разбив войско пытавшегося занять императорский престол Варды Фоки. Сам Владимир провожал свою дружину, отправлявшуюся на помощь Василию II, до днепровских порогов. Исполнив свой долг, дружина осталась служить в Византии (впоследствии гвардией императоров являлась дружина англо-варягов).

Именно поэтому Владимиру была оказана величайшая честь. Ему обещали руку сестры императора Анны, которой к этому времени было уже двадцать шесть лет.

Но обещание не выполнялось, и поэтому Владимиру I пришлось добиваться руки Анны военной силой. Он осадил и взял византийский Херсонес в Крыму. После этого брак был заключен. Этим браком Владимир достиг того, что Русь перестала считаться в Византии варварским народом. Ее стали называть христианнейшим народом. Возрос и династический престиж киевских князей.

Христианизация Руси и родство правящего рода с византийским двором ввели Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях. Сын Владимира Святославича Святополк женился на дочери польского короля Болеслава Храброго. Дочь Владимира Мария Доброгнева была выдана за польского короля. Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа Ингигерде, его сын Изяслав – на Гертруде,

Елизавета, старшая дочь Ярослава Мудрого. Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.

дочери польского короля Мешко II, старшая дочь Ярослава Елизавета была выдана замуж за норвежского короля Гаральда Смелого, несколько лет добивавшегося ее руки. Другая дочь Ярослава, Анна, была королевой Франции, оставшись вдовой после смерти своего мужа Генриха I. Третья дочь Ярослава, Анастасия, была замужем за венгерским королем Андреем I. Можно было бы еще долго перечислять родственные связи русских князей XI–XII веков, сами по себе они свидетельствуют об огромном престиже Руси среди всех народов Европы.

Но вернемся к вопросу о варяго-русских. Русские варяги – это наименование, которое должно быть принято, чтобы отделить их от англо-варягов, которые в дальнейшем сменили собой русских варягов на службе у Византийской империи. В дружинах Руси были представители разных стран и разных народов: скандинавы, немцы, сарацины, половцы, болгары и восточные славяне. Но замечательно, что все русские князья, кем бы они ни были по крови и именам, говорили только на разговорном славянском языке, читали только по-славянски и никаких следов скандинавов в русском христианстве не сохранилось. Зато язык церковной письменности, тех книг, которые были к нам перевезены или у нас переписывались, был

*Апостол Павел.
Фреска Софийского собора
в Киеве. XI в.*

литературным языком, принятым у болгар. И это делает несомненным громадное значение Болгарии в принятии христианства. Тем более что Болгария стояла на пути “из Варяг в Греки”, значение которого в принятии многонациональной религии подчеркивалось нами выше.

Благодаря болгарской письменности христианство сразу же выступило на Руси в виде высокоорганизованной религии с высокой культурой. Есть все основания думать, что у славян была примитивная письменность и до крещения Руси. Об этом в первую очередь свидетельствуют договоры с греками, один экземпляр которых изготовлялся на русском языке. Исключительны роль и авторитет языка, перешедшего к нам с церковными книгами из Болгарии. Богослужение совершалось именно на этом языке. Он был языком высокой культуры, постепенно принимавшим восточнославянскую лексику, орфографию. Это указывает, какую роль в крещении Руси принимала именно Болгария. В конце концов та церковная письменность, которая была передана нам Болгарией, – это самое важное, что дало Руси крещение.

Наконец, еще одна деталь. Скандинавские саги об Олафе Тригтвасоне повествуют о крещении норвежского короля Олафа. По разным вариантам саг Олаф крестился либо в Греции, либо в Киеве, где его убедил принять христианство конунг Валдемар, то есть князь Владимир. Сам же князь Владимир, перед тем как женился на Анне, принял решение креститься под влиянием самой умной из своих жен. Из всех жен Владимира единственной, которая была ему родственна по языку и могла его убедить в столь сложном вопросе, была “болгарыня”.

Но дело не только в высокоорганизованной и сложной по содержанию литературе, которая стала известна и понятна на Руси. Дело еще и в облегчении общения с другими народами, чему, как хорошо известно, всегда препятствовали и религиозные предрассудки, и убежденность в своем более высоком культурном и моральном уровне над другими народами.

Христианство в целом способствовало возникновению сознания единства человечества. Апостол Павел писал в Послании галатам: “Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного”, а в Первом послании коринфянам: “...все мы одним Духом крестились и одно тело... Тело же не из одного члена, но из многих”.

Вместе с сознанием равенства пришло на Русь и сознание общей истории всего человечества. Больше всего в первой половине XI века проявил себя в формировании национального самосознания митрополит киевский Иларион, русин по происхождению, в своем знаменитом “Слове о Законе и Благодати”, где он рисовал общую предстоящую Руси роль в христианском мире. Однако еще в X веке была написана “Речь философа”, представляющая собой изложение всемирной истории, в которую должна была влиться и русская история. Учение христианства давало прежде всего сознание общей истории человечества и участие в этой истории всех народов.

Как было принято христианство на Руси? Мы знаем, что во многих странах Европы христианство насаждалось насильно. Не без насилий обошлось крещение и на Руси, но в целом распространение христианства на Руси было довольно мирным, особенно если вспомним о других примерах. Насильно крестил свои дружины Хлодвиг. Карл Великий насильно крестил саксов. Насильно крестил свой народ Стефан I, король венгерский. Он же насильно заставлял отказываться от восточного христианства тех, кто успел принять его по византийскому обычаю. Но у нас нет достоверных сведений о массовых насилиях со стороны Владимира I Святославича. Ниспровержение идолов Перуна на юге и на севере не сопровождалось репрессиями. Идолов спускали вниз по реке, как спускали впоследствии обветшавшие святыни – старые иконы, например. Народ плакал по своему поверженному Богу, но не восставал. Восстание волхвов в 1071 году, о котором повествует Начальная летопись, было вызвано в Белозерской области голодом, а не стремлением

*Крещение Господне. Фреска церкви
Спаса Преображения на Нередице. 1199*

вернуться к язычеству. Более того, Владимир по-своему понял христианство, даже отказывался казнить разбойников, заявляя: “...боюсь греха”.

Христианство было отвоевано у Византии под стенами Херсонеса, но оно не превратилось в завоевательную акцию против своего народа.

Одним из счастливейших моментов принятия христианства на Руси было то, что распространение христианства шло без особых требований и наущений, направленных против язычества. И если Лесков в повести “На краю света” вкладывает в уста митрополита Платона мысль, что “Владимир поспешил, а греки слукавили – невежд ненаученных окрестили”, то именно это обстоятельство и способствовало мирному вхождению христианства в народную жизнь и не позволило церкви занимать резко враждебных позиций по отношению к языческим обрядам и верованиям, а напротив, постепенно вносить в язычество христианские идеи, а в христианстве видеть мирное преобразование народной жизни.

Значит, двоеверие? Нет, и не двоеверие! Двоеверия вообще не может быть: либо вера одна, либо ее нет. Последнего в первые века христианства на Руси никак не могло быть, ибо никто еще не в состоянии был отнять у людей способность видеть необычное в обычном, верить в загробную жизнь и в существование божественного начала. Чтобы понять – что же произошло, вернемся снова к специфике древнерусского язычества, к его хаотическому и недогматическому характеру.

Всякая религия, в том числе и хаотическое язычество Руси, имеет помимо всякого рода культов и идолов еще и нравственные устои. Эти нравственные устои, какие бы они ни были, организуют народную жизнь. Древнерусское язычество пронизывало собой все слои начавшего феодализироваться

общества Древней Руси. Из записей летописей видно, что Русь обладала уже идеалом воинского поведения. Этот идеал ясно проглядывает в рассказах Начальной летописи о князе Святославе.

Вот его знаменитая речь, обращенная к своим воинам: “Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земли Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегаем, – срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою”.

Когда-то ученики средних школ России учили эту речь наизусть, воспринимая и ее рыцарственный смысл, и красоту русской речи, как, впрочем, учили и другие речи Святослава или знаменитую характеристику, данную ему летописцем: “...легко ходя, аки пардус (гепард), войны многи творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головах; тако же и прочий вой его вси бяху. И посылаше к странам глаголя: «Хочю на вы ити»”.

Я нарочно привожу все эти цитаты, не переводя их на современный русский, чтобы читатель смог оценить красоту, точность и лаконизм древнерусской литературной речи, тысячу лет обогащавшей русский язык.

Этот идеал княжеского поведения: беззаветная преданность своей стране, презрение к смерти в бою, демократизм и спартагский образ жизни, прямота в обращении

даже к врагу – все это оставалось и после принятия христианства и наложило особый отпечаток на рассказы о христианских подвижниках. В Изборнике 1076 года – книге, специально написанной для князя, который мог ее брать с собой в походы для нравоучительного чтения (об этом я пишу в особой работе), – есть такие строки: “...красота воину оружие и кораблю ветрила (паруса), тако и праведнику почитание книжное”. Праведник сравнивается с воином! Независимо от

Крещение Господне. Фрагмент фрески церкви Спаса Преображения на Нередице. 1199

того, где и когда написан этот текст, он характеризует и высокую русскую воинскую мораль.

В "Поучении" Владимира Мономаха, написанном, вероятнее всего, в конце XI века, а возможно, и в начале XII века (точное время написания существенной роли не играет), ясно проглядывает слияние языческого идеала поведения князя с христианскими наставлениями. Мономах хвалится количеством и быстротой своих походов (проглядывает "идеальный князь" – Святослав), своею храбростью в сражениях и на охоте (два главных княжеских дела). "А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея (в походы ходя) и ловы (охоты) с 13 лет". И, описав свою жизнь, замечает: "А из Щернигова до Києва нестишьды (более ста раз) ездих ко отцю, днем есмь переездил до вечерни. А всех путей 80 и 3 великих, а прока неиспомню менших".

Не скрыл Мономах и своих преступлений: сколько избил он людей и пожег русских городов. И после этого в качестве примера истинно благородного, христианского поведения он приводит свое письмо к Олегу, об изумительном по своей нравственной высоте содержании которого мне не раз приходилось писать. Во имя провозглашенного Мономахом на Любечском съезде князей принципа: "Каждо да держит отчину свою" – Мономах прощает побежденному противнику Олегу Святославичу ("Гориславичу"), в битве с которым пал его сын Изяслав, и предлагает ему вернуться в его отчину – Чернигов: "А мы что есмы, человеци грешни и лихи? – днесь живи, а утро мертви, днесь в славе и в чти (в чести), а заутро в гробе и беспамяти (никто помнить нас не будет), ини собранье наше разделять". Рассуждения вполне христианские и, скажем мимоходом, крайне важные для своего времени при переходе к новому порядку владения русской землей князьями на рубеже XI и XIII веков.

Важной христианской добродетелью при Владимире была и образованность. После крещения Руси Владимир, как о том свидетельствует Начальная летопись, "...нача поимати у нарочитые чади (то есть у лиц привилегированного сословия) дети и даяти нача на учение книжное". Строки эти вызвали различные догадки, где проводилось это "учение книжное", были ли это школы и какого типа, но ясно одно: "учение книжное" стало предметом государственной заботы.

Наконец, другой христианской добродетелью, с точки зрения Владимира, явилось милосердие богатых по отношению к бедным и убогим. Крестившись, Владимир стал прежде всего заботиться о больных и бедных. Согласно летописи, Владимир "повеле всякому нищему и убогому приходи на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотьниц кунами (деньгами)". А тем, кто не мог приходиться, немощным и больным, развозить припасы по дворам. Если эта его забота и была в какой-то мере

ограничена Киевом или даже частью Киева, то и тогда рассказ летописца чрезвычайно важен, ибо показывает, что именно считал летописец самым важным в христианстве, а вместе с ним и большинство его читателей и переписывателей текста – милосердие, доброту. Обычная щедрость становилась милосердием. Это различные акты, ибо акт добродетели переносился с человека дающего на тех, кому давалось, а это и было христианским милосердием.

В дальнейшем мы вернемся еще к одному моменту в христианской религии, оказавшемуся чрезвычайно привлекательным при выборе веры и надолго определившему характер восточнославянской религиозности. Сейчас же обратимся к тому низшему слою населения, которое перед крещением Руси называлось смердами, а после, вопреки всем обычным представлениям ученых нового времени, наиболее христианским слоем населения, отчего и получило свое название, – к крестьянству.

Язычество здесь было представлено не столько высшими богами, сколько слоем верований, регулировавших трудовую деятельность по сезонному годовому кругу: весенних, летних, осенних и зимних. Эти верования превращали труд в праздник и воспитывали столь необходимые в земледельческом труде любовь и уважение к земле. Здесь христианство быстро примирилось с язычеством, вернее, с его этикой, нравственными устоями крестьянского труда.

Язычество не было единым. Эту мысль, повторявшуюся нами и выше, следует понимать также и в том смысле, что в язычестве была “высшая” мифология, связанная с основными богами, которых хотел объединить Владимир еще до принятия христианства, устраивая свой пантеон “вне двора теремного”, и мифология “низшая”, состоявшая главным образом в связи с верованиями земледельческого характера и воспитывавшая в людях нравственное отношение к земле и друг к другу.

Первый круг верований был решительно отброшен Владимиром, а идолы ниспровержены и спущены в реки – как в Киеве, так и в Новгороде. Однако второй круг верований стал христианизоваться и приобретать оттенки христианской нравственности.

Исследования последних лет (главным образом замечательный труд М. М. Громыко “Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.”. М., 1986) дают тому ряд примеров.

Оставались, в частности, в разных частях нашей страны крестьянские помочи или толока, – общий труд, совершаемый всей крестьянской общиной. В языческой, дофеодальной деревне помочи совершались как обычай общей сельской работы. В христианской (крестьянской) деревне помочи стали формой коллективной помощи бедным семьям – семьям, лишившимся главы, нетрудоспособным, сиротам и т. д. Нравственный смысл, заключенный

в помочах, усилился в христианизованной сельской общине. Замечательно, что помочи совершались как праздник, носили веселый характер, сопровождались шутками, остротами, иногда состязаниями, общими пирами. Таким образом, с крестьянской помощи малоимущим семьям снимался весь обидный характер: со стороны соседей помочи совершались не как милостыня и жертва, унижавшие тех, кому помогали, а как веселый обычай, доставлявший радость всем участникам. На помочи люди, сознавая важность совершаемого, выходили в праздничных одеждах, лошадей “убирали в лучшую сбрую”.

“Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока – чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи”, – сообщал свидетель толоки (или помочей) в Псковской губернии.

Языческий обычай приобретал этическую христианскую окраску. Христианство смягчало и вбирало в себя и другие языческие обычаи. Так, например, Начальная русская летопись рассказывает о языческом умыкании невест у воды. Этот обычай был связан с культом источников, колодцев, воды вообще. Но с введением христианства верования в воду ослабли, а обычай знакомиться с девушкой, когда она шла с ведрами по воду, остался. У воды совершались и предварительные стоворы девушки с парнем.

Наиболее, может быть, важный пример сохранения и даже приумножения нравственного начала язычества – это культ земли. К земле крестьяне (да не только крестьяне, как показал В. А. Комарович в работе “Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков”) относились как к святыне. Перед началом земледельческих работ просили у земли прощения за то, что “вспарывали ее грудушку” сохой. У земли просили прощения за все свои проступки против нравственности. Даже в XIX веке Раскольников у Достоевского в “Преступлении и наказании” прежде всего публично просит прощения за убийство именно у земли прямо на площади.

Примеров можно привести много. Принятие христианства не отменило низшего слоя язычества, подобно тому как высшая математика не отменила собой элементарной. Нет двух наук в математике, не было двоеверия и в крестьянской среде. Шла постепенная христианизация (наряду с отмиранием) языческих обычаев и обрядов.

Теперь обратимся к одному чрезвычайно важному моменту в акте крещения Руси.

Начальная русская летопись передает красивую легенду об испытании вер Владимиром. Посланные Владимиром послы были у магометан, затем у немцев, служивших свою службу по западному обычаю, и наконец пришли в Царьград к грекам. Последний рассказ послов чрезвычайно значителен, ибо он был наиболее важным основанием для Владимира избрать хри-

стианство именно из Византии. Приведу его полностью в переводе на современный русский язык. Послы Владимира пришли в Царьград и явились к царю. «Царь же спросил их – зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же (то есть послы) были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», – и отпустили их с дарами великими и честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними, – и обратился к послам: – Говорите перед дружиною»».

Я опускаю то, что говорили послы о других верах, но вот что сказали они о службе в Царьграде: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Мы не можем забыть той красоты, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

Вспомним, что испытание вер имело в виду не то, какая вера красивее, а то, какая вера истинная. А главным аргументом истинности веры русские послы объявляют ее красоту. И это не случайно! Именно в силу этого представления о примате художественного начала в церковной и государственной жизни первые русские князья-христиане с таким усердием обстраивают свои города, ставят в них центральные храмы. Вместе с сосудами церковными и иконами Владимир привозит из Корсуни (Херсонеса) двух медных идолов (то есть две статуи, а не кумиры) и четырех медных коней, «про которых невежды думают, что они мраморные», и ставит их за церковью Десятинной, на самом торжественном месте города.

Поставленные в XI веке церкви до сего времени являются архитектурными центрами старых городов восточных славян: София в Киеве, София в Новгороде, Спас в Чернигове, Успенский собор во Владимире и т. д. Никакие последующие храмы и строения не затмили собой того, что было построено в XI веке.

Ни одна из стран, граничивших с Русью в XI веке, не могла с ней сравниться по величию своей архитектуры и по искусству живописи, мозаики,

Евхаристия. Фрагмент мозаики из разрушенного Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

Причащение апостолов. Фрагмент мозаики Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

прикладному искусству и по интенсивности исторической мысли, выраженной в летописании и работе над переводными хрониками.

Единственная страна с высокой архитектурой, сложной и по технике, и по красоте, которая может считаться помимо Византии предшественницей Руси в искусстве, – это Болгария с ее монументальными строениями в Плиске и Преславе. Большие каменные храмы строились в Северной Италии в Ломбардии, на севере Испании, в Англии и в прирейнской области, но это далеко.

Не совсем ясным представляется вопрос о том, почему в прилегающих к Руси странах были распространены в XI веке преимущественно храмы-ротонды: то ли это делалось в подражание ротонде, построенной Карлом Великим в Ахене, то ли в честь храма Гроба Господня в Иерусалиме, то ли считалось, что ротонда более всего подходит для совершения обряда крещения.

Во всяком случае храмы базиликального типа сменяют храмы-ротонды, и можно считать, что в XII веке примыкающие страны ведут уже обширное строительство и догоняют Русь, которая все же продолжает сохранять первенство вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Возвращаясь к высоте искусства домонгольской Руси, не могу не привести цитату из записок Павла Алеппского, путешествовавшего по России при царе Алексее Михайловиче и видевшего в Киеве развалины храма Софии: “Ум человеческий не в силах обнять ее (церковь Софии) по причине разнообразия цветов ее мраморов и их сочетаний, симметричного расположения частей ее строения, большого числа и высоты ее колонн, возвышенности ее куполов, ее обширности, многочисленности ее портиков и притворов”.

В этом описании не все точно, но можно поверить общему впечатлению, которое производил храм Софии на иностранца, видевшего храмы и Малой Азии, и Балканского полуострова. Можно думать, что художественный момент не был случаен в христианстве Руси.

Эстетический момент играл особенно важную роль в византийском возрождении IX–XI веков, то есть как раз в то время, когда Русь принимала крещение. Патриарх константинопольский Фотий в IX веке в обращении к болгарскому князю Борису настойчиво высказывает мысль, что красота, гармоническое единство и гармония в целом отличают христианскую веру, которая именно этим разнится от ереси. В совершенстве человеческого лица ничего нельзя ни прибавить, ни убавить – так и в христианской вере. Невнимание к художественной стороне богослужения в глазах греков IX–XI веков было оскорблением божественного достоинства.

Русская культура очевидным образом была подготовлена к восприятию этого эстетического момента, ибо он надолго удержался в ней и стал ее определяющим элементом. Вспомним, что в течение многих веков русская философия теснейшим образом была связана с литературой и поэзией. Поэтому изучать ее надо в связи с Ломоносовым и Державиным, Тютчевым и Владимиром Соловьевым, Достоевским, Толстым, Чернышевским... Русская иконопись была умозрением в красках, выражала прежде всего миропонимание. Философией была и русская музыка. Мусоргский – величайший и далеко не раскрытый еще мыслитель, в частности, исторический мыслитель.

Что же дало принятое из Византии христианство русской истории? Не стоит перечислять все случаи нравственного воздействия церкви на русских князей. Они общеизвестны для всех, кто так или иначе, в большей или меньшей степени беспристрастно и непредвзято интересуется русской историей. Скажу кратко, что принятие христианства Владимиром из Византии оторвало Русь от магометанской и языческой Азии, сблизив ее с христианской Европой. Хорошо это или плохо – пусть судят читатели. Но бесспорно одно: прекрасно организованная болгарская письменность сразу позволяла Руси не начинать литературу, а продолжать ее и создавать в первый же век христианства произведения, которыми мы вправе гордиться.

Сама по себе культура не знает начальной даты, как не знают точной начальной даты и сами народы, племена, поселения. Все юбилейные начальные даты этого рода обычно условны. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетняя или полуторатысячелетняя? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая

*Проповедь апостола Петра.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано восточным славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное – лишь предполагаемые ценности.

Русь появилась со своим Киевом, соперником Константинополя, на мировой арене именно тысячу лет назад. Тысячу лет назад появились у нас и высокая живопись, и высокое прикладное искусство – как раз те области, в которых никакого отставания у восточнославянской культуры и не было. Знаем мы и то, что Русь была высокограмотной страной, иначе откуда у нее образовалась бы уже на заре XI века столь высокая литература? Первым и изумительнейшим по форме и мысли произведением было произведение “русского” автора митрополита Илариона “Слово о Законе и Благодати” – сочинение, подобия которому не имела в его время ни одна страна, – церковное по форме и историко-политическое по содержанию.

Попытки обосновать ту мысль, что Ольга и Владимир приняли христианство по латинскому обычаю, лишены сколько-нибудь научной документальности и носят явно тенденциозный характер. Неясно только одно: какое

*Дети внимают
проповеди апостола Петра.
Фрагмент фрески Софийского
собора в Киеве. XI в.*

это могло иметь значение, если вся христианская культура была принята нами из Византии и в результате сношений Руси именно с Византией. Из самого факта, что крещение было принято на Руси до формального разделения христианских церквей на византийско-восточную и католическо-западную в 1054 году, вывести ничего нельзя. Как нельзя вывести ничего решительно и из того факта, что Владимир до этого разделения принимал в Киеве латинских миссионеров “с любовью и честью” (какие были у него основания принимать иначе?). Ничего нельзя вывести и из того факта, что Владимир и Ярослав выдавали дочерей за королей, примыкавших к западному христианскому миру. Разве русские цари в XIX веке не женились на немецких и датских принцессах, не выдавали своих дочерей за западных владетельных особ?

Не стоит перечислять всю ту слабую аргументацию, которую обычно приводят католические историки русской церкви. Иван Грозный справедливо объяснял Поссевино: “Наша вера не греческая, а христианская”.

Зато следует принять во внимание, что Россия никак не соглашалась на унию.

Как бы мы ни рассматривали отказ великого князя московского Василия Васильевича принять Флорентийскую унию 1439 года с римско-католической церковью, для своего времени это был акт величайшего политического значения. Ибо это не только помогло сохранить свою собственную культуру, но и способствовало воссоединению трех восточнославянских народов, а в начале XVII века, в эпоху польской интервенции, помогло сохранению русской государственности. Мысль эту, как всегда у него, четко выразил С. М. Соловьев: отказ от Флорентийской унии Василием II “есть одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбу народов...”. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность северо-восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях.

Не смог смыть грань национальных украинской и белорусской культур Униатский собор 1596 года в зловещем Брест-Литовске.

Не смогли смыть грань самобытности и западнические реформы Петра I, хотя и они были необходимы для России.

Скороспелые и легкомысленно задуманные церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона привели к расколу русской культуры, единством которой было пожертвовано ради церковного, чисто обрядового единения России с Украиной и Белоруссией.

Пушкин так сказал о христианстве в своем отзыве на "Историю русского народа" Н. Полевого: "История новейшая есть история христианства". И если понять, что под историей Пушкин разумел прежде всего историю культуры, то положение Пушкина в известном смысле правильно и для России. Роль и значение христианства на Руси были очень изменчивы, как изменчиво было на Руси и само православие. Однако, учитывая то, что живопись, музыка, в значительной мере архитектура и почти вся литература в Древней Руси находились в орбите христианской мысли, христианских споров и христианских тем, совершенно ясно, что Пушкин был прав, если широко понимать его мысль.

*Золотник и серебряники времен киевского князя
Владимира Святославича. 978–1011*

